

⁷⁴ См.: Кен О.Н. «Работа по истории» и стратегия авторитаризма, 1935–1937 гг. // Личность и власть в истории России. Материалы научной конференции. СПб., 1997. С. 108–117; он же. Между Цезарем и Чингис-ханом. «Наполеон» Е.В. Тарле как литературный памятник общественно-политической борьбы 1930-х годов // Клио. 1998. № 3. С. 67–83.

⁷⁵ См.: Токарев В.А. Драматургический демарш Верховного главнокомандующего // Историк и Художник. 2006. № 4(6). С. 7–31.

⁷⁶ Секиринский С. Нагрудный карман // Историк и Художник. 2007. № 3(13). С. 5–6.

⁷⁷ Александр Твардовский: «Я в свою ходил атаку...». Дневники. Письма. 1941–1945. М., 2005. С. 189.

⁷⁸ Там же. С. 393.

⁷⁹ Конев И.С. Записки командующего фронтом. М., 1991. С. 594–599.

⁸⁰ Шапорина Л.В. Дневник. Т. 1. С. 317.

⁸¹ Там же. Т. 2. С. 109.

⁸² Там же. С. 21.

⁸³ Там же. С. 403.

⁸⁴ Там же. С. 51.

⁸⁵ Там же. С. 286.

⁸⁶ Там же. С. 329–330.

⁸⁷ Там же. С. 363.

⁸⁸ Оболенская С.В. Еще раз об Альберте Захаровиче Манфреде // Французский ежегодник 2006. М., 2006. С. 22. С.В. Оболенская в своих воспоминаниях использует старое название этого издательства – «Соцэкгиз», сохранявшееся до 1963 г.

⁸⁹ Гордон А.В. А.З. Манфред – биограф Наполеона (советская наполеонистика от 1930-х к 1960-м) // Там же. С. 48–49.

⁹⁰ Тарле Е.В. Наполеон. М., 1991. С. 133–134.

⁹¹ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. Сухуми, 1989. С. 391, 393.

⁹² Муравьева М. Рец. на кн.: Wesling M.W. Napoleon in Russian Cultural Mythology. N.Y., 2001. 196 p. // AB Imperio. 2005. № 5. С. 397.

⁹³ Струве П.Б. Patriotica... С. 135–136.

© 2012 г. О. В. БУДНИЦКИЙ *

ИЗОБРЕТАЯ ОТЕЧЕСТВО: ИСТОРИЯ ВОЙНЫ С НАПОЛЕОНОМ В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ 1941–1945 ГОДОВ

22 июня 1941 г. советские люди узнали, что война, которую им предстоит вести, будет походить на Отечественную войну 1812 года. В выступлении по радио заместителя председателя СНК СССР народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова говорилось: «Не первый раз приходится нашему народу иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны»¹. В том же номере «Правды», в котором появился текст выступления Молотова, была опубликована статья Емельяна Ярославского под названием «Великая Отечественная война советского народа». Неумолимый борец с религиозными пережитками писал:

* Будницкий Олег Витальевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор НИУ «Высшая школа экономики», директор Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий НИУ ВШЭ.

Автор выражает искреннюю признательность Т.Л. Ворониной за содействие в подготовке данной статьи.

«В 1812 году русский народ разгромил величайшего из полководцев – Наполеона, заставив его бежать с жалкими остатками разбитой армии из России. Весь народ тогда поднялся против врага. Крестьяне и крестьянки вооружились, чтобы изгнать поработителей. И армия, которая прошла через всю Европу, утверждала свое господство в Сирии, в Египте, на Средиземном море, – эта армия была разбита в боях славными русскими полководцами Кутузовым, Багратионом и другими. Она была разбита в отечественной войне, в которой принимали участие миллионы крестьян»².

Впервые эпитет «великая» применительно к начавшейся войне появился в статье Е. Ярославского, но он все-таки был фигурой не того масштаба, чтобы определить ее название, впоследствии вошедшее в историю. Решающую роль сыграло выступление И.В. Сталина 3 июля 1941 г., в котором война была охарактеризована как «великая», «всенародная Отечественная» и «Отечественная освободительная»³.

Между тем еще за 4 года до начала Великой Отечественной войны определение «отечественная», тем более с заглавной буквы, к войне 1812 года в советской литературе не применялось. Напомню, что возвращение истории, «отмененной» большевиками, началось после выхода постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 15 мая 1934 г. Однако в статьях и книгах, появившихся в связи со 125-летним юбилеем войны 1812 года, она отечественной не называлась. Авторы пишут о «войне 1812 года»⁴. Такая половинчатость наблюдалась и в отношении других исторических сюжетов.

Русский мыслитель-эмигрант Г.П. Федотов иронизировал по поводу одной из передовиц «Правды» за 1937 г., в которой говорилось о «славе русского народа»⁵, в особенности о Ледовом побоище: «В этой реабилитации национальной славы есть какие-то границы, какое-то неискоренное чувство коммунистических приличий. Оно выражается в характерном умолчании. Кто, собственно, разбил рыцарей на Чудском озере? Но под чьим водительством? Стыдливое молчание. Еще недавно Дмитрий Донской был причислен к национальным героям России в связи с памятью о Куликовской битве. Ледовое побоище остается анонимным. Не потому ли, что герой его был канонизован Церковью? Это очень отягощающее обстоятельство, конечно; и для восстановления в правах Александра Невского пока недостаточно и цитаты из Маркса. Поживем – увидим»⁶. Для того чтобы увидеть – в прямом смысле слова – образ недавно замалчиваемого князя, ждать пришлось совсем недолго: в 1938 г. на экраны вышел фильм С.М. Эйзенштейна «Александр Невский». Тогда же восстанавливается в правах и определение «отечественная» применительно к войне 1812 года. Произошло это в книге академика Е.В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию» (М., 1938⁷).

Необходимо помнить, что для советского руководства история была прикладной наукой, так сказать, «наукой прямого действия». «В недавно опубликованных отрывках из “Хронологических выписок” К. Маркса, – писала “Правда”, – сжато и красочно рассказано о том, как немецкие “псы-рыцари” шли походом на славян, грабили их, жгли, резали население и ссорились из-за дележа добычи. Но русский народ выступил против немецких рыцарей. Он разбивает их на льду Чудского озера, так что прохвосты были окончательно отражены от русской границы»⁸. Федотов по этому поводу иронично отметил: «Противопоставляемый гитлеровскому германизму, бедный Маркс делается апологетом русского народа и русской государственности, жестоко им ненавидимой». «Урок Гитлеру!» – суммировал он⁹.

Попытаемся проследить, каким образом история Отечественной войны 1812 года использовалась с целью мобилизации населения для отпора врагу, какие методы практиковались советской пропагандистской машиной, какие именно аспекты борьбы с Наполеоном привлекали внимание советских руководителей и, соответственно, пропагандистов разного толка – от журналистов до профессиональных историков.

«Актуализация» исторических сюжетов не была новостью для советских историков. В предисловии к появившемуся в 1938 г. первому изданию «Нашествия Наполеона...» Тарле писал: «Стодвадцатипятилетняя годовщина одной из величайших войн русской (и всемирной) истории застаёт народы Советского Союза во всеоружии и в полной

моральной и материальной готовности защищать свое социалистическое государство, свою политическую самостоятельность от любого посягательства. Вместе с тем никогда за все эти 125 лет так открыто и беззастенчиво враги не говорили о своем намерении напасть на нас и расчленив нашу территорию, никогда они не наводняли наши города таким количеством разнохарактерных шпионов, вредителей и диверсантов, как именно теперь. Никогда, наконец, так много не писалось в германской фашистской прессе о возможности “избежать ошибки Наполеона” как именно в настоящее время»¹⁰. В заключении к монографии Тарле еще раз вспоминал о фашистах: «Могут ли быть теперь великому русскому народу страшны фашистские хищники, поджигатели войн? “Затем ли свергнули мы льва, чтоб пред волками преклоняться?” – спрашивал Байрон после падения наполеоновской империи. Затем ли русский народ победил непобедимого гиганта, чтобы через 130 лет уступить свое достояние или право распоряжаться собою ничтожным в умственном и нравственном отношении пигмеям, сильным исключительно безнаказанностью, которую до поры до времени встречает их наглость?»¹¹.

Изменение политики государства влияло на тексты историков. Зигзаги советской дипломатии предвоенного времени отразились и в предисловиях к знаменитой книге Тарле «Наполеон», впервые опубликованной в 1936 г. В предисловии к очередному ее изданию, подписанному в печать 15 марта 1939 г. в Социально-экономическом издательстве, автор писал: «Современный фашизм пытается связать себя в том или ином виде с Наполеоном и в Италии, и в Германии. Муссолини полагает, что он – прямой наследник и Римской империи, и Наполеона. О курьезнейшей карикатурности этих сопоставлений так много говорилось уже вне Италии, что в последнее время итальянский “дуче” что-то приутило. Что касается Гитлера и особенно Геббельса, который специализировался по части создания всяких “исторических” фальсификаций, то здесь отношение к Наполеону двойственное: с одной стороны, он – поработитель германского отечества, но, с другой стороны, заслуживает одобрения и подражания... Умственная отсталость всех этих итальянских Фариначчи и немецких Геббельсов, разглагольствующих о Наполеоне, такова, что им и в голову не приходит вся разница в исторической обстановке... Нынешние немецкие дегенераты, поражающие убожеством своего мышления и общим индивидуальным своим ничтожеством, строят свою “идеологию” на борьбе против тех перспектив, которые открыла человечеству Великая Октябрьская социалистическая революция в СССР, и идут они в поход с таким затхлым старьем, которое даже при Фридрихе II было уже съедено молью и отбрасывалось даже этим хищником, как совершенно не нужный идеологический хлам»¹².

В том же году «Наполеон» выходит в Государственном издательстве военной литературы. Книга была подписана в печать 26 июня 1939 г. К этому времени отношения между СССР и Германией начали меняться, происходило взаимное «прощупывание», приведшее, в конечном счете, к подписанию пакта Молотова–Риббентропа. Не удивительно, что процитированные выше пассажи были исключены из предисловия, хотя некоторые антифашистские инвективы (но «без перехода на личности») остались. В предисловии к следующему изданию «Наполеона», выпущенному Госполитиздатом в 1941 г. (подписано к печати 9 мая), какие-либо упоминания о нацистах исчезли. Все еще продолжался период советско-германской дружбы, до конца которой оставалось совсем недолго.

Лозунг Отечественной войны и напоминания о славных боевых традициях русского народа прозвучали из уст советского руководства в первые же часы начавшейся войны. Народ призывали подняться на борьбу «за родину, за честь, за свободу», что было вполне рационально. В стране, две трети населения которой составляли крестьяне (они же – ядро Красной армии) призыв защищать, скажем, преимущества колхозного строя, мог привести к прямо противоположным результатам.

Интересно, что в первом варианте выступления Молотова 22 июня 1941 г. слов об Отечественной войне 1812 г. не было¹³. Доступные нам материалы не дают возможности понять, как шла работа над текстом этой речи, принимал ли в его составлении участие кто-нибудь, кроме самого народного комиссара иностранных дел, когда в тексте появи-

лось упоминание об Отечественной войне и судьбе Наполеона в России. Мне неизвестно также, был ли знаком Молотов или его помощники с заявлениями российских государственных и политических деятелей в связи с началом предыдущей войны с Германией – Первой мировой. Ведь и ту войну тогдашние российские власти и печать пытались трактовать как «вторую Отечественную»¹⁴. Однако идеологически, а местами текстуально, речь Молотова звучала как парафраз того, что было произнесено в Государственной думе 26 июля 1914 г. «За всю многовековую историю России, – говорил председатель Совета министров И.Л. Горемыкин, – быть может, только одна Отечественная война, только 1812 г. равняется по своему значению с предстоящими событиями»¹⁵. Лидер кадетов П.Н. Милюков заявил: «Наше дело – правое дело: мы ведем борьбу за освобождение нашей родины от иноземного нашествия, Европы и славянского мира от германского преобладания»¹⁶. Но название «второй Отечественной за Первой мировой войной не закрепилось. Проигранные войны не имеют шансов на славное имя.

Провозглашение войны, начавшейся 22 июня 1941 г., Отечественной вызвало поразительно оперативную реакцию историков и публицистов. Шквал публикаций в газетах и журналах, выпуск брошюр, лекции и выставки последовали за речью Сталина 3 июля 1941 г. Первенствовали, разумеется, историки, хотя свою лепту внесли писатели и журналисты. Только в «Известиях» за июль 1941 г. Отечественная война 1812 г. упоминалась 13 раз, а специально ей было посвящено 4 статьи¹⁷. Одна за другой выходят в свет брошюры: «Разгром наполеоновских армий» В. Ильинского в серии «Из героического прошлого нашей родины» (11 июля 1941 г. в Сталинграде), «Великое народное ополчение» Б.М. Кочакова, Ш.М. Левина, А.В. Предтеченского (12 июля в Ленинграде), «Партизанское движение в Отечественной войне 1812 года» Л.Н. Бычкова (14 июля в Москве, 19 сентября в Архангельске и 10 октября без указания имени автора в Йошкар-Оле), «Партизанское движение в Отечественной войне 1812 года» Д.Е. Червякова (18 июля в Ленинграде), «Отечественная война 1812 г.» (31 июля в Харькове¹⁸), «Разгром Наполеона в России в 1812 году» В.К. Сивкова (18 сентября в Москве). Кроме того, 25 июля в Ростове-на-Дону был сдан в печать сборник «Могучее народное ополчение», в который вошла статья П.В. Бабенышева «Ополчение на Дону в Отечественную войну 1812 года».

Нетрудно заметить, что историки и публицисты повышенное внимание уделяли темам партизанской войны и народного ополчения. Это была, несомненно, прямая реакция на речь Сталина 3 июля, в которой вождь потребовал не «оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего», а все ценное имущество, которое не может быть вывезено, включая хлеб – уничтожать. Он говорил о необходимости формировать в занятых врагом районах «партизанские отряды, конные и пешие», «диверсионные группы... для разжигания партизанской войны всюду и везде», а также создавать в «каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага», народные ополчения по примеру Москвы и Ленинграда¹⁹.

Упомянутыми выше брошюрами далеко не исчерпывался список появившихся только в 1941 г. работ, посвященных истории партизанской войны и народного ополчения 1812 г.²⁰ Одной из первых на речь Сталина откликнулась М.В. Нечкина, уже неделю спустя опубликовавшая в «Комсомольской правде» статью «Бессмертные традиции народного ополчения». В ней, разумеется, цитировался соответствующий фрагмент выступления вождя. Наряду с рассказом о сражениях с половцами и монголо-татарскими завоевателями, Нечкина писала о том, как в 1812 г. «крестьяне уходили в леса, зарывали хлеб в землю, угоняли скот, жгли оставленные дома и все имущество», как создавались партизанские отряды, которые «крошили по кусочкам армию Наполеона, считавшуюся непобедимой». По словам Нечкиной, «деревня была начеку, зорко следила за подозрительными лицами, вылавливала шпионов. Крестьяне хитростью заманивали французские отряды, угощали, не жалели спиртного, когда враги пьянели, хватали их оружие и расправлялись с ними». Другим примером борьбы неистощимых «на хитрости и выдумки» крестьян, приведенным Нечкиной, была уловка «партизана Фигнера», который, отлично владея французским языком, переодевшись в форму французского

офицера, «втерся проводником к французскому полковнику, шедшему с орудиями». Таким образом Фигнер завел французский отряд в засаду, где его поджидали партизаны: «По условному знаку партизаны выскочили, набросились на неприятеля, забрали обоз, орудия и всех французов взяли в плен»²¹. По логике изложения получалось, что штабс-капитан А.С. Фигнер был одним из неистощимых «на хитрости и выдумки» крестьян! В таком же лубочном стиле были выдержаны и некоторые другие публикации, направленные на возрождение патриотических традиций.

В тот же день, что и текст Нечкиной, в «Правде» была напечатана статья одного из руководителей советских писателей А.А. Фадеева под названием «Герои партизанской войны», в которой упоминался опыт «отечественной войны 1812 года», когда «партизанские отряды крестьян по частям истребляли армию Наполеона, лишали ее пищи, огня, крова, уничтожали ее обозы, овладевали ее оружием и боеприпасами и довели эту “непобедимую” армию до полного истощения и обнищания»²². В вышедшей днем раньше в «Красной звезде» статье Б. Розанова, специально посвященной партизанам 1812 года, среди прочего говорилось, что «наша социалистическая отчизна» свято хранит традиции Отечественной войны 1812 года²³.

В брошюрах, подготовленных к печати в июле–сентябре 1941 г., подчеркивались разумность и стратегическая обоснованность отступления русской армии в 1812 г., говорилось о создании народного ополчения, всенародной партизанской войне и тактике выжженной земли, применявшейся русскими крестьянами: «Крестьяне сжигали посевы, запасы хлеба и корма для лошадей, вооружались топорами, рогатинами, вилами, косами, серпами, ковали копыя, уходили в леса... Таким образом, война с Наполеоном приобрела характер народной отечественной войны за национальную независимость»²⁴. Пожар Москвы неизменно трактовался как патриотический акт: «Опустошение Москвы и ее сожжение – результат патриотизма народа, который во имя защиты родины шел на громадные жертвы, уничтожая все жизненные средства, чтобы они не достались неприятелю»²⁵; «Пожар Москвы в 1812 г. после занятия ее французами был проявлением патриотизма со стороны населения столицы... “Пусть лучше сгорит, но не достанется врагу!” – вот лозунг, которым они руководствовались. Это было совершенно аналогично тому, что делали крестьяне той полосы России, которая была охвачена вторжением наполеоновских полчищ, когда они сжигали деревни, стога сена, скирды, хлеба»²⁶. Все подобные положения подкреплялись цитатами из установочного выступления Сталина 3 июля 1941 г.

Несомненно, особая роль в войне на «историко-пропагандистском фронте» принадлежала Е.В. Тарле, который одним из первых откликнулся на речь Сталина 3 июля. Темой его статьи «Война отечественная, война освободительная», опубликованной в «Известиях» 6 июля, стали отмеченные вождем международные аспекты войны и перспективы освобождения Европы. Так, Сталин говорил: «Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, порабощенного гитлеровскими заправилками»²⁷. Соответственно, Тарле писал: «Второй раз в нашей истории освобождение русской земли от вторгнувшегося неприятеля перерастает, можно с уверенностью сказать, в освобождение Европы, наша вторая отечественная война уже сейчас в глазах порабощенных народов стала началом великого всевропейского освобождения. И это освобождение коснется не только тех народов, которые подверглись непосредственному военному нападению и были раздавлены, но и тех, которые пали жертвой внутренней измены и которые, стиснув зубы, ждут возможности выпрямиться во весь рост и расплатиться сполна с гитлеровскими наемниками, поставленными править ими и шпионить за ними. Но и этого мало. Близятся сроки, когда эта война окажется войной освобождения также и для самого германского народа»²⁸.

Но не только выступления Сталина оказывали влияние на тематику публикаций Тарле и на трактовку им ряда исторических событий. Можно допустить, что случилось и наоборот. Основания для подобного предположения дает заметное сходство как некоторых идей, так и лексики, использовавшейся в июльской статье Тарле и в речи Сталина, произнесенной накануне 24-й годовщины Октябрьской революции 6 ноября 1941 г. Если Тарле писал, что «Гитлер и его головорезы осуществляют сознательный, планомерный, обдуманый возврат к самым темным и варварским временам раннего средневековья»²⁹, то Сталин говорит о «средневековых еврейских погромах» и называет гитлеровскую партию, помимо прочего, «партией средневековой реакции»³⁰. В статье историка читаем: «Вся континентальная Европа состоит либо (в подавляющем большинстве случаев) из государств, растоптанных, разграбленных, измученных голодной военной саранчой, которая была на них брошена гитлеровской шайкой, – либо из сообщников и соучастников гитлеровских преступлений, надеющихся поживиться в случае победы и утверждения господства германского фашизма»³¹. В речи вождя звучит та же мысль: «Немецкие захватчики поработили народы европейского континента от Франции до Советской Прибалтики, от Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии и Советской Белоруссии до Балкан и Советской Украины, лишили их элементарных демократических свобод, лишили их права распоряжаться своей судьбой, отняли у них хлеб, мясо, сырье, превратили их в своих рабов, распяли на кресте поляков, чехов, сербов и решили, что, добившись господства в Европе, они могут теперь строить на этой основе мировое господство Германии»³².

Тарле называл Гитлера «презренной карикатурой на Наполеона», Сталин говорил, что Гитлер «походит на Наполеона не больше, чем котенок на льва»³³. Наконец, Тарле противопоставляет Наполеона Гитлеру, подчеркивая, что, в отличие от «гносного, чудовищного ига», наложенного на европейцев «немецко-фашистскими извергами», «владычество Наполеона в покоренных странах было ознаменовано не только деспотическим самовластием, но и некоторыми реформами, имевшими, безусловно, прогрессивное значение в то время» (здесь и далее выделено мной. – О.Б.)³⁴. Сталин высказывался в том же духе, но еще резче: «Наполеон боролся против сил реакции, опираясь на прогрессивные силы, Гитлер же, наоборот, опирается на реакционные силы, ведя борьбу с прогрессивными силами»³⁵.

Если в предыдущих фрагментах можно говорить о совпадении, о том, что и Тарле, и Сталин используют расхожие образы и общие места, то здесь случайность исключена. Сталин, как показал О.Н. Кен³⁶, контролировал работу историка над биографией Наполеона и вынудил его в предвоенные годы внести существенные коррективы в трактовку исторической роли Бонапарта. Если в первом издании книги (1936) читателю предлагалось подумать, «в чем Наполеон явился “завершителем” революции, а в чем – ее ликвидатором», то во втором издании (1939) автор уже безоговорочно утверждал, что Наполеона «ни в какой степени нельзя считать “завершителем” революции, а с полным правом необходимо считать ее ликвидатором»³⁷. В рамках европейской политической традиции, по наблюдению Кена, «Наполеон сближается с Луи-Наполеоном, с “бонапартистской контрреволюцией”, так что естественным оказывается вопрос (формулируемый Тарле в издании 1939 г. – О.Б.): “В каком же отношении стоит этот бонапартизм к современному фашизму?”»³⁸. Поэтому слова Тарле о прогрессивных реформах Наполеона в цитированной выше газетной статье (если они, конечно, не были согласованы с заказчиком) являлись некоторым отступлением от прежней, указанной ему линии. Так или иначе, теперь Сталин де-факто санкционировал и даже усилил новую/старую линию в оценке историком Наполеона. Противопоставление Наполеона Гитлеру станет одним из лейтмотивов текстов Тарле, созданных им в годы войны.

Как убедительно продемонстрировал Кен, «война с Германией побудила Тарле радикально пересмотреть взаимоотношения бонапартизма с “современным фашизмом”. Во введении к изданию 1942 г. Тарле развернул позитивные характеристики личности (“ясный и светлый ум” и др.) и деятельности Бонапарта, присутствующие в первом варианте. В новом введении был впервые развит тезис не только о революционной,

но и цивилизующей роли наполеоновских завоеваний». Речь у Тарле шла о таких нововведениях наполеоновской власти на завоеванных территориях, как «установление строгой законности в судах и администрации, ...равенство всех граждан перед гражданским и военным законом, правильное ведение финансовых дел, отчетность и контроль, расплата звонкой монетой за все казенные поставки и подряды, проведение прекрасных шоссеиных дорог, постройка мостов и т.д.»³⁹. Полагаю, причина подобных изменений кроется во влиянии войны не столько на Тарле, сколько на его заказчика, что и позволило историку вернуться к своему исходному, настоящему, а не искаженному по указанию Сталина, взгляду на роль Наполеона в истории. Тем более что теперь это совпадало с задачами антигитлеровской пропаганды.

Европейский, освободительный контекст Великой Отечественной войны с прямой отсылкой к речи Сталина 6 ноября 1941 г. подчеркнут Тарле в брошюре «Гитлеровщина и наполеоновская эпоха»: «Можно смело сказать, за всю свою великую историю никогда, даже не исключая и 1812 г., русский народ до такой степени не являлся спасителем Европы, как в настоящее время. И никогда ни одно слово, исходившее из седых исторических стен Кремля, не получало такого могучего общемирового резонанса, до такой степени не “ударяло по сердцам с неведомой силой”, – как лозунг речи 6 ноября о грозном, беспощадном, заслуженном возмездии, об истребительной войне против истребителей, то есть о самой справедливой из всех войн, которые когда бы то ни было и где бы то ни было велись»⁴⁰.

В завершение сюжета о взаимоотношениях Сталина и Тарле, повторю еще раз, что не только указания вождя влияли на тексты историка, но и тексты Тарле «абсорбировались» и использовались при подготовке некоторых фрагментов речей Сталина. «Русский народ, – писал Тарле в заключении к “Нашествию Наполеона на Россию”, – не есть народ обыкновенный, заговорили передовые люди России (вроде В. Каразина) после двенадцатого года. В нашу эпоху русский народ повел все другие народы, населяющие наше великое государство, на борьбу по созданию первого в мировой истории социалистического строя, не знающего ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых»⁴¹.

Не из этого ли фрагмента текста историка заимствовал Сталин идею (отчасти и лексику) своего знаменитого тоста 24 июня 1945 г. в честь русского народа? «Я пью, – говорил он на приеме после Парада Победы, – прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны»⁴².

Перу Тарле, что совершенно логично, принадлежит наибольшее количество работ, посвященных Отечественной войне 1812 г., изданных или переизданных в период Великой Отечественной войны. Кроме переизданий «Наполеона» (1942) и «Нашествия Наполеона на Россию» (1943), в 1941 г. 6 раз издавались сокращенные варианты «Нашествия...»⁴³, в 1941–1942 гг. в «Библиотеке красноармейца» 4 раза переиздавалась его брошюра «Михаил Кутузов», и это не считая газетных и журнальных статей, в том числе специально предназначенных для красноармейцев⁴⁴.

Кульминации противопоставление Наполеона Гитлеру, так же как антинемецкая риторика, достигают в предисловии Тарле к изданию «Нашествия...», вышедшему в свет в 1943 г.: «В самых необузданных мечтах своих великий завоеватель, пришедший в Россию в 1812 г. с целью покорить и поработить ее, не задавался такими чудовищно жестокими и, в то же время, нелепыми целями, как те, которые ставят перед собой тупые и гнусные палачи гитлеровской шайки... Много пришлось перетерпеть русскому народу от наполеоновского нашествия, но речи не может быть о каком бы то ни было сопоставлении поведения наполеоновской армии на русской земле со всеми бесчисленными злодеяниями подлой гитлеровской орды... [Наполеон] издавал суровые приказы против мародерства и против каких бы то ни было насилий над мирным населением. Конечно, эти приказы (особенно с третьего месяца войны) очень мало исполнялись, но все-таки до самого конца похода солдаты наполеоновской армии знали, что произ-

водить грабеж открыто нельзя, начальство не велит. Если бы Наполеону сказали, что какой-нибудь из его маршалов издал приказ вроде приказа генерала фон Рейхенау от 15 октября 1941 г. об убийстве населения занятых мест и о планомерном истреблении всех русских художественных и исторических ценностей, то он подумал бы, конечно, что этот маршал окончательно сошел с ума»⁴⁵.

Тарле писал, что если в составе наполеоновской армии наибольшими грабителями были немцы, а наиболее дисциплинированными – французы, в особенности императорская гвардия, то в ходе идущей войны наиболее гнусные злодеяния над мирными жителями совершают элитные немецкие части, составленные из «наиболее оголтелых, озверелых, потерявших всяческий человеческий облик мерзавцев». Общий вывод историка звучал так: «И в основных целях нашествия, и в характере действий неприятеля на русской территории существовала огромная разница между войной 1812 г. и Великой Отечественной войной. Между колоссом, возглавлявшим “великую армию” в 1812 г. и трусливым фашистским дегенератом, который посылает свою банду на смерть, лично пребывая в уютном берхтесгаденском бомбоубежище – нет и не может быть ни малейшего сходства, как бы этого сходства “фюрер” ни жаждал. В одном отношении война 1812 г. походит на Великую Отечественную войну: пламенный патриотизм и героизм русского народа готовят захватчикам такое же страшное поражение. На этот раз к чувству вражды по отношению к врагу примешивается еще и чувство ненависти, беспредельного презрения, доходящего до гадливости, чувство омерзения, заставляющее смотреть на подлых немецко-фашистских извергов как на грязных животных, как на своего рода чумных крыс, подлежащих беспощадному уничтожению»⁴⁶.

Сюжеты, связанные с войной 1812 г., которые рассматривались советскими историками и публицистами, определялись преимущественно политическими задачами. Так, если в 1941 г. особое внимание уделялось партизанской войне и организации народного ополчения, то в 1942 г. число публикаций, посвященных этим проблемам, резко сократилось, зато вышел почти десяток брошюр и статей в научной периодике о М.И. Кутузове, в связи с введением ордена имени прославленного полководца и со 130-летней годовщиной Бородинского сражения⁴⁷.

Кутузов и далее оставался (что вполне естественно) наиболее часто упоминавшимся героем Отечественной войны 1812 г. Больше всего о нем писали в 1945 г., преимущественно после окончания военных действий, поскольку 16 сентября праздновалось 200 лет со дня рождения полководца. В 1945 г. число брошюр и научных статей о генерал-фельдмаршале превысило два десятка. Если говорить о других героях Отечественной войны 1812 г., то они удостоивались внимания, по сравнению с Кутузовым, довольно редко. Собственно, можно говорить лишь о Д.В. Давыдове, П.И. Багратионе и «кавалерист-девице» Н.А. Дуровой.

Надо сказать, что о Денисе Давыдове писал еще в предвоенное время В.Н. Орлов, им даже был подготовлен том «Военных записок» поэта-партизана⁴⁸, что впоследствии существенно облегчило работу пропагандистов. В 1941–1942 гг. несколькими изданиями в Москве, Ленинграде и Свердловске вышел в сокращенном варианте «Дневник партизанских действий» Давыдова. В предисловии к свердловскому изданию (подписано к печати 20 января 1942 г.) некто А. Котов, не мудрствуя лукаво, писал: «В дни, когда весь советский народ ведет Отечественную войну с зарвавшимся врагом, славные партизанские традиции Дениса Давыдова оживают вновь в беспримерной по своему героизму борьбе наших советских партизан. Народ разжег партизанскую войну всюду, где бы ни ступила вражья нога». Прочитировав соответствующий пассаж о партизанской борьбе из выступления Сталина по радио 3 июля 1941 года, автор заключал: «Сотни тысяч народных мстителей в тылу неприятеля поднялись на борьбу с фашистскими захватчиками. Горит земля под ногами врагов на Украине, ничего доброго не сулят фашистам леса Белоруссии, боевой партизанский клич Дениса Давыдова – “теснить, беспокоить, томить, жечь неприятеля без уговона и неотступно” – снова звучит на Смоленщине. Все выше и выше поднимается священный огонь партизанской борьбы, выжигающий скверну немецко-фашистского нашествия. Советский народ, ведущий

победоносную Отечественную войну с фашистскими варварами за родину, за честь, за свободу, с любовью вспоминает о героях Отечественной войны 1812 года. Их боевой дух, нестигаемая воля к победе и поныне живут в русском народе, в Красной Армии Советского Союза, защищающей священную землю своей родины»⁴⁹.

Публикации по истории Отечественной войны 1812 г. или упоминания о ней в том или ином контексте и далее носили преимущественно ситуативный, «назидательный» характер. Так, в связи со вступлением Красной армии на территорию Польши в «Блокноте агитатора Красной армии» была напечатана статья «Русские солдаты за границей», в которой говорилось и о Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг.: «Русская армия прошла многие страны и везде оставила о себе добрую память. При вступлении русских войск в Варшавское герцогство главнокомандующий русскими армиями Кутузов издал приказ, в котором говорилось: “Смотреть за нижними чинами, чтобы не заводили ссор с обывателями, не озлобляли их упреками или бранными словами”. Офицер Михайловский в своих воспоминаниях о походах 1813 года писал: “Жителям герцогства нельзя было жаловаться на русских: армия наша соблюдала величайший порядок”»⁵⁰.

Какова была эффективность пропагандистской работы на историческом материале и, в частности, на примере Отечественной войны 1812 г.? Ответить на этот вопрос сложно, если вообще возможно. Общим местом является утверждение, что история стала «средством “духовной мобилизации” советского народа» в годы Великой Отечественной войны⁵¹. Подобные умозаключения основываются, как правило, на заявлениях самих историков или политработников, статистических материалах, вроде числа прочитанных лекций, изданных брошюр и статей и т.п. Так, автор статьи, специально посвященной «историко-патриотическому воспитанию в годы Великой Отечественной войны», уверенно пишет: «Результатом проводившейся в стране огромной совместной работы по историческому просвещению и воспитанию историей стал стремительный рост интереса к событиям прошлого, расширение исторической эрудиции у советских граждан. Проявлений этого – множество». В качестве примеров указывается, что когда войска 3-го Украинского фронта, освобождавшие Болгарию, проходили мимо памятника русским солдатам – участникам русско-турецкой войны 1877–1878 гг., политработники рассказали солдатам о ее значении для освобождения балканских стран от турецкого ига и провели митинг. Кроме того, «проходя памятники участникам Отечественной войны 1812 г., советские солдаты всегда отдавали им воинские почести, проводились собрания и митинги, рассказывающие о войне с Наполеоном». Вслед за утверждением, что «многочисленные отклики фронтовиков на работу историков и писателей красноречиво свидетельствуют о том, что она была необходимой составляющей формирования патриотического сознания», также следует ряд примеров⁵².

Нетрудно заметить, что все приведенные в доказательство «расширения исторической эрудиции» советских граждан факты свидетельствуют о деятельности тех же политработников или, точнее, о своевременно предоставленных ими отчетах. Отрывочные сведения о восприятии историко-патриотической пропаганды, которые можно найти в дневниках и воспоминаниях современников, принадлежат, как правило, сравнительно образованным городским жителям, часто – творческим работникам, и вряд ли отражают настроения большинства населения. Это большинство было не слишком образованным и дневники или воспоминания, оставленные «простыми» людьми, встречаются крайне редко. Согласно переписи 1939 г. на каждую тысячу жителей СССР приходилось статистически 77.8 человек со средним образованием (включая неполное среднее – 7 классов и неполное высшее) и 6.4 – с высшим. Данные по РСФСР немногим отличались от общесоюзных: на каждую тысячу жителей приходилось 76.9 человек со средним образованием и 6.6 – с высшим⁵³.

Выяснить влияние чтения на сознание людей довольно сложно, так же как понять, насколько читались многочисленные публикации на тему истории Отечественной войны 1812 г. Исключение здесь составляют книги Тарле, пользовавшиеся огромной популярностью. Однако их покупателями и читателями опять-таки были люди преиму-

щественно городские и образованные. Интересные и вполне реалистичные сведения об отношении к лекциям на исторические темы, как и о методах их организации, привел М.Г. Брагин, автор биографии М.И. Кутузова. Выступая на заседании Лекционного бюро при Комитете по делам высшей школы при СНК СССР, проходившем под председательством А.Я. Вышинского 4 августа 1943 г., он поднял вопрос «о проникновении нашей работы в массы». По его данным, «на лекции в Политехническом музее о Кутузове присутствовало 30–40 чел., на лекции на заводе в Кунцеве присутствовало 3 тыс. чел.». Столь разительная разница легко объяснима: посещение лекций в Политехническом музее было делом добровольным, что же касается завода, то вряд ли можно сомневаться, что была проведена «организационная» работа, о необходимости которой говорил и сам Брагин. Он же заметил, что «хотелось бы иметь лекции об иностранных армиях, лекции на злободневные темы. Вот эта злободневность массы больше всего интересует»⁵⁴.

Выступая на заседании, Вышинский сообщил, что «возникновению этого дела мы обязаны инициативе тов. Сталина». Адресатом публичных лекций должен был стать «средний советский активист», который и есть «полк советской интеллигенции», «характер лекций должен определяться средним уровнем советского интеллигента». Правда, судя по последующим словам Вышинского, речь шла все-таки о низшем слое советских относительно образованных граждан: квалифицированных рабочих и мастерах, младших офицерах Красной армии. Как правило, они имели образование в объеме 7 классов или ниже. Вышинский специально подчеркивал, что речь не шла об организации лекций для учителей или научных работников⁵⁵.

Насколько можно судить по записям современников, отношение интеллигенции к возрождению традиций прошлого и к апелляции, в числе прочего, к истории Отечественной войны 1812 г. было смешанным, чаще скептическим, хотя в целом как будто позитивным. Услышав в начале декабря 1941 г. по радио симфонию П.И. Чайковского «1812-й год», московский журналист Н.К. Вержбицкий не преминул заметить, что она «была запрещена 24 года, ибо в ней есть царский гимн “Коль славен”»: “Славься ты, славься, наш русский царь” и т.п.»⁵⁶ 6 января 1942 г. он критически оценил уровень «наглядной агитации» на материале произведений Л.Н. Толстого: «Выставка “Героизм русского народа в произведениях Л. Толстого”, устроенная в полутемном проходе метро (“Охотный ряд”), производит жалкое впечатление. Случайные цитаты, случайные репродукции»⁵⁷.

Вержбицкий был «из бывших», однако зигзаги историков в интерпретации российской истории, также как ставшие неожиданными для многих нововведения, вроде погон, вызывали сомнения у молодых людей, выросших уже при советской власти и/или ей преданных. Узнав о введении орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского, журналистка Ирина Эренбург (дочь писателя) записала: «Как будто орденами можно победить?». Не исключено, что ее реакция на учреждение новых орденов объяснялась текущими событиями: цитируемая запись от 26 июля 1942 г. начинается со следующих фраз: «Сводка: ожесточенные бои. Ростов, Цымлянская (так! – *О.Б.*), Новочеркасск. Воронеж. Значит – сданы»⁵⁸.

Военный переводчик, недоучившийся студент ИФЛИ 21-летний старший лейтенант Владимир Стеженский прочитал в немецком историческом журнале заметки по истории России, в которых проводилась мысль об азиатском характере Московии, и 29 декабря 1942 г. записал в дневник собственные размышления о советской исторической науке: «При всей неразберихе и разногласии, которые господствовали в течение долгого времени в нашей исторической науке, фашистским историческим писателям нетрудно сейчас состряпать свою “Историю России”, ссылаясь на труды наших историков и издеваясь над откровениями, которые в последнее время столь популярны, вроде превращения Ивана Четвертого в народолюбивого демократа и гуманиста. А вполне объективная историческая концепция вряд ли когда-нибудь у нас утвердится. Хоть и издевались у нас над принципом Покровского, что “история есть политика, опрокину-

тая в прошлое”; но этого принципа все-таки придерживаются. Менялась наша политика, менялись и исторические концепции»⁵⁹.

Внешние изменения, которые, по замыслу советского руководства, должны были поднять авторитет командиров, встречались со смешанными чувствами: недоумение и скепсис постепенно вытеснялись, уступая место самоуважению. Ироничный одессит Борис Сурис записал 10 марта 1943 г., когда командирам, ставшим теперь офицерами, выдали новые знаки различия: «Наши нацепляют погоны, в штабе вызвездило, аж глазам больно. Кое на ком погоны сидят как ермолка на свинье, но вообще зрелище внушительное и солидное»⁶⁰.

Капитан Михаил Коряков, журналист, отправленный в пехоту за посещение церкви, вспоминал, что когда полк резерва, в котором он служил, оказался (дело было уже в 1945 г.) недалеко от Бунцлау, где умер и был похоронен Кутузов, замполит отправил его собирать материалы о кутузовских местах для последующего использования в политбеседах. «Покойно и мягко несла нас машина по дороге, обсаженной вековыми дубами, – вспоминал Коряков. – Думалось: может, таким же теплым весенним вечером ехал по этой дороге в коляске старый Кутузов. Может, эти дубы, тогда молодые, простирали ветви над эскадроном, который вел Николай Ростов. Нет чувства сильнее, нежели чувство национальной гордости, – грудь распирало от радости, что вот, спустя сто с лишним лет, мы, русские, снова вступаем в Бунцлау, и я еду искать в этом городе памятники русской славы»⁶¹. Коряков писал воспоминания за границей, он стал «невозвращенцем» в 1946 г., так что никакого давления не испытывал.

Все эти свидетельства принадлежат интеллигентам, составлявшим в то время колллективно очень незначительную часть советского общества. Труднее всего понять, как реагировали на историко-пропагандистские усилия власти крестьяне, составлявшие подавляющее большинство населения и костяк Красной армии. Редкую возможность услышать голоса крестьян дает дневник М.М. Пришвина, жившего в годы войны в деревне недалеко от Переславля-Залесского и ставшего для крестьян «своим». Он записал (возможно, литературно обработав) диалог двух крестьян, названных, скорее всего, вымышленными именами. «Иван Кузьмич говорил: Как уменьшился орден Ленина с тех пор, как появились ордена Александра Невского, Суворова и Кутузова, вы заметили? Просто удивительно: драли нас, драли нас, четверть века гнали нас, строили, строили, и все разрушено. А что раньше наживали, и что к этому за четверть века прибавили – все до основания, и остаются только ордена царских генералов... Петр Кузьмич на это сказал: Мало кто понимает, в чем тут дело, но как я понимаю, иначе нельзя понимать. Наша картина показывает нам картину прежних времен. Наговорили нам тогда, что есть у нас родина, отечество, герои, царь, Бог и все это разное. А как нынче всмотришься, все это был обман: ничего не было, и Кутузов, и Суворов – ничего особенного, просто высшие чиновники: выбор счастья пал на них. Только тогда были вовсе глупые люди и все верили в обман, а теперь все стали умные, никто не верит, но по необходимости веры выдумывают и оправдание мудреца, который сказал: если бы не было Бога, то его надо было бы выдумать. Вот и выдумываем теперь Суворова, Кутузова, родину, отечество»⁶².

Г.П. Федотов еще в 1937 г. писал, что «официальная Россия, бесспорно, нуждается в оформлении своего национального сознания» и указывал, что противоречия, которые предстоит преодолеть «ковачам русского национального синтеза» едва ли преодолимы, ибо когда «Ленина надо мирить с Карамзиным, тут воображение отказывается работать»⁶³. В период Великой Отечественной войны историками (вместе с другими деятелями культуры) – по прямому указанию, или по намекам сверху, – была предпринята, прежде всего на материале истории Отечественной войны 1812 года, попытка примирить условную «Россию Карамзина» с Россией Сталина, изобразить отечество, которое бы отвечало представлениям различных слоев советского/русского общества. Насколько эта попытка оказалась успешной, как на самом деле советские люди воспринимали усилия армии пропагандистов, одним из передовых отрядов которых были историки, – это вопрос, на который еще предстоит ответить.

Примечания

¹ Выступление по радио Заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных дел тов. В.М. Молотова // Правда. 1941. 23 июня. С. 1.

² Ярославский Ем. Великая Отечественная война советского народа // Правда. 1941. 23 июня. С. 2.

³ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 16, 13.

⁴ Селезнев К. О войне 1812 года // Борьба классов. 1936. № 6. С. 16–24; Барер И. Война 1812 года // Исторический журнал. 1937. № 8. С. 40–56; Свечников М.С. Война 1812 года: Бородино. М., 1937; Левицкий Н.А. Война 1812 года. М., 1938; Русский народ и война 1812 г. Сталинград, 1938 (последнее издание представляет собой сборник материалов, опубликованных в газетах и журналах в 1937–1938 гг.).

⁵ Великий русский народ // Правда. 1937. 15 января. С. 1.

⁶ Федотов Г.П. Александр Невский и Карл Маркс // Новая Россия [Париж]. 1937. 21 февраля. № 22. С. 9–10.

⁷ Первоначально книга была опубликована в журнальном варианте: Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию // Молодая гвардия. 1937. № 10–12; 1938. № 1–3.

⁸ Великий русский народ.

⁹ Федотов Г.П. Указ. соч. С. 155.

¹⁰ Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1938. С. 3.

¹¹ Там же. С. 280.

¹² Тарле Е.В. Наполеон. М., 1939. С. 7.

¹³ 1941 год. Кн. 2. М., 1998. С. 435–436.

¹⁴ В ряде брошюр Первая мировая война (еще не носившая, разумеется, этого имени) называлась Второй Отечественной: Вторая Отечественная война. Ростов н/Д., 1914; Вторая отечественная война. М., 1915; Вторая отечественная война. Обзор текущих событий. Пг., 1914; Вторая отечественная война по рассказам ее героев. Вып. 1–19. Пг., [1915]–1916; и др.

¹⁵ Государственная дума. Созыв IV. Стенографический отчет заседания 26 июля 1914 г. Пг., 1914. Стлб. 9–10.

¹⁶ Там же. Стлб. 24–25.

¹⁷ Подсчитано И. Махаловой (курсовая работа «Образ Отечественной войны 1812 года в период Великой Отечественной войны», выполнена в НИУ ВШЭ).

¹⁸ В выходных данных в качестве места издания указан Киев.

¹⁹ Сталин И.В. Указ. соч. С. 15–17.

²⁰ См. также: Бычков Л. Народное ополчение // Исторический журнал. 1941. № 10–11. С. 118–124; Котылов Н. Народное ополчение 1812 года // Военная мысль. 1941. № 8. С. 91–96; Народное ополчение Поволжья в Отечественной войне 1812 года. Саратов, 1941; Подорожный Н. Народное ополчение // Известия. 1941. 5 июля; Червяков Д. Партизанские отряды в Отечественной войне 1812 г. // Военно-исторический журнал. 1941. № 6–7. С. 50–61; Задонский Н.А. Партизаны: исторический очерк. Воронеж, 1941. Материалы на исторические темы публиковались, разумеется, не только в центральной печати. Так, в газете «Горьковская коммуна» с 23 июня по 1 октября 1941 г. было опубликовано более 40 таких статей, в том числе «Борьба партизан против Наполеона I» (Н. Добротвор), «Ополчение 1812 года» (С. Архангельский), «Бородинское сражение» (Ф. Чебаевский). В газете тогда же появились и публикации, посвященные Первой мировой, Семилетней, Крымской и другим войнам (Гордина Д.Е. Историко-патриотическое воспитание в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 60).

²¹ Нечкина М.В. Бессмертные традиции народного ополчения // Комсомольская правда. 1941. 11 июля. С. 2.

²² Фадеев А. Герои партизанской войны // Правда. 1941. 11 июля. С. 3.

²³ Розанов Б. Партизаны Отечественной войны 1812 года // Красная звезда. 1941. 10 июля. С. 3.

²⁴ Отечественная война 1812 г. Киев, 1941. С. 6–7; Сивков В.К. Разгром Наполеона в России. М.; Л., 1941. С. 8–9.

²⁵ Отечественная война 1812 г. Киев, 1941. С. 11.

²⁶ Сивков В.К. Указ. соч. С. 17.

²⁷ Сталин И.В. Указ. соч. С. 16.

²⁸ Тарле Е. Война отечественная, война освободительная // Известия. 1941. №158. 6 июля. С. 3.

²⁹ Там же.

³⁰ *Сталин И.В.* Указ. соч. С. 28.

³¹ *Тарле Е.* Война отечественная, война освободительная.

³² *Сталин И.В.* Указ. соч. С. 31.

³³ Там же; *Тарле Е.* Война отечественная, война освободительная. Сталинские «котенок и лев» тут же стали гулять по страницам советской печати и почти неизменно цитировались в случаях упоминания имени Наполеона. См., например: *Сергеев-Ценский С.* Арифметика и война // *Правда.* 1941. 23 ноября. С. 2; *Миров Н.* Призрак Наполеона // *Комсомольская правда.* 1941. 17 декабря. С. 4.

³⁴ *Тарле Е.* Война отечественная, война освободительная.

³⁵ *Сталин И.В.* Указ. соч. С. 31–32.

³⁶ *Кен О.Н.* Между Цезарем и Чингис-ханом: «Наполеон» Е.В. Тарле как литературный памятник общественно-политической борьбы 1930-х годов // *Клио.* 1998. № 3. С. 67–83.

³⁷ Там же. С. 75.

³⁸ Там же. С. 76.

³⁹ Там же. Прим. 45. О некоторых изменениях, вносившихся Тарле в текст его работ под влиянием политических факторов см. также: *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 2005. С. 62–74.

⁴⁰ *Тарле Е.В.* Гитлеровщина и Наполеоновская эпоха. М., 1942. С. 31 (первая публикация: *Вестник АН СССР.* 1942. № 1. С. 35–57).

⁴¹ *Тарле Е.В.* Нашествие Наполеона на Россию. М., 1943. С. 362.

⁴² *Сталин И.В.* Указ. соч. С. 196.

⁴³ *Тарле Е.В.* Отечественная война 1812 года и разгром империи Наполеона. Л., 1941 (переиздавалась в Москве и Ленинграде в том же году еще 4 раза); *он же.* Две отечественные войны. М.; Л., 1941.

⁴⁴ *Тарле Е.В.* Гибель наполеоновской армии в России // *Красноармеец.* 1942. № 22. С. 12–13; *он же.* Михаил Илларионович Кутузов (1745–1813 гг.) // *Красноармеец.* 1943. № 8. С. 1–2.

⁴⁵ *Тарле Е.В.* Нашествие Наполеона на Россию. С. 3–4.

⁴⁶ Там же. С. 4–5.

⁴⁷ Кутузов в 1812 году: по воспоминаниям современников. М., 1942; *Жибарев П.* Михаил Кутузов. Саратов, 1942; *Коробков Н.М.* Кутузов-стратег // *Исторический журнал.* 1942. № 5. С. 38–52; *Лебедев В.Н.* Великий русский полководец Михаил Илларионович Кутузов. Саранск, 1942; Михаил Кутузов // *Наши великие предки.* Владивосток. 1942. С. 33–40; *Нечкина М.В.* М.И. Кутузов. Ташкент, 1942; *Осипов К.* Михаил Кутузов. Молотов, 1942; *Писаревский Г.Г.* Михаил Илларионович Кутузов. Баку, 1942; *Разин Б.А.* Отечественная война 1812 года и полководческое искусство Кутузова: конспект. М., 1942; *Тарле Е.В.* Михаил Кутузов. М., 1942; *Орлов В. М.И.* Кутузов. М., 1942.

⁴⁸ *Орлов В.* Денис Давыдов – партизан 1812 г. (К 100-летию со дня смерти) // *Литературный современник.* 1939. № 5–6. С. 226–242; *он же.* Денис Давыдов. М., 1940; *Давыдов Д.В.* Военные записки. М., 1940.

⁴⁹ *Давыдов Д.* Дневник партизанских действий 1812 года. [Свердловск], 1942. С. 5–6.

⁵⁰ Русские солдаты за границей // *Блокнот агитатора Красной армии.* 1945. № 7. С. 32.

⁵¹ *Година Е.Д.* Историко-патриотическое воспитание в годы Великой Отечественной войны // *Вопросы истории.* 2011. № 12. С. 64.

⁵² Там же. С. 69–70.

⁵³ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1992. С. 49–50. Табл. 11–12.

⁵⁴ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: коммуникация убеждения и мобилизационные механизмы. М., 2007. С. 465.

⁵⁵ Там же. С. 468.

⁵⁶ Дневник москвича: Из дневниковых записей журналиста Н.К. Вержбицкого // *Москва военная.* 1941–1945: Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 494.

⁵⁷ Там же. С. 498.

⁵⁸ *Эренбург И.И.* Я видела детство и юность XX века. М., 2011. С. 211.

⁵⁹ *Стежесенский В.И.* Солдатский дневник: Военные страницы. М., 2005. С. 98.

⁶⁰ *Сурис Б.Д.* Фронтовой дневник. М., 2010. С. 102.

⁶¹ *Коряков М.* Освобождение души. Нью-Йорк, 1952. С. 224.

⁶² *Пришвин М.М.* Дневники 1942–1943. М., 2012. С. 250–251.

⁶³ *Федотов Г.П.* Указ. соч. С. 9–10.